

Режиссер Владимир Мирзоев эпатирует московскую публику уже несколько лет. Сначала в театре имени Станиславского. Сейчас в театре имени Вахтангова. После спектакля «Лир» его имя не сходит со страниц многих газет и журналов.

— Володя, что ты сейчас читаешь для «души»? Или этот процесс уже невозможен, любое чтение — наброски для будущей работы?

— Круг чтения, как ни странно, не становится с годами уже, но, конечно, он меняется. Сейчас это книги по философии, культурологии, эссеистика разных мастей — от Розанова до Бродского и Померанца. Почти не читаю современную прозу, хотя здесь имеются приятные исключения: Анатолий Найман, Людмила Улицкая... Понимаю, что это моя индивидуальная проблема, а не прозы, но сделать с собой ничего не могу. Бывает же у людей аллергия на клубнику или молоко — тоже хорошие вроде бы продукты, а организм отказывается принимать. Любимое чтение сегодня: Карл Юнг и Иосиф Бродский.

— Ты чувствуешь себя старым человеком, или все еще молодым? Удивляет что-то в жизни? (Говорят, что если человек перестает удивляться малой красоте, то процесс старения необратим.)

— Моя профессия не слишком способствует взрослению. Театр без постоянной игры — ума, чувств, форм, страстей — это очень плохой, удручающе неживой театр... Приходится пестовать в себе «внутреннего ребенка», баловать его, многое ему позволять, прощать, порой идти поперек здравого смысла.

Конечно, иногда душа и тело как-то болезненно, странно начинают диссонировать. Говоришь себе примерно такие слова: «Неужели ты до сих пор не наигрался, друг любезный? Ведь у тебя уже седины — может, пора заняться чем-нибудь более осязаемым, не иллюзорным?»... Но тут же становится ясно, что ничем, кроме театра, я в этой жизни не увлечен. А, стало быть, и повзрослеть мне, увя, не суждено.

В жизни меня удивляет буквально все. Даже сам факт, что эта жизнь существует, и я — ее часть, кажется мне чудесным.

— Ты ходишь на спектакли своих коллег?

— Последние года два в театрах бываю не часто. Но это не отсутствие профессионального любопытства, а элементарная нехватка времени. Меня заинтриговал и взволновал спектакль «Война и мир. Начало романа» в Мастерской Фоменко.

— Терпим ли ты к мнению других людей, профессионалов? Ведь твои работы часто вызывают негативную реакцию...

— Чужое мнение относительно наших работ никогда меня особенно не задевало (и не занимало). Я отношусь к этому прагматично: важен сам факт выброса информации на поверхность океана масс-медиа. Если спектакль чего-то стоит, публика и время все расставят на свои места.

Не забывай, что у меня в прошлом — весьма пыльная работенка в Канаде. Я-то знаю, как оно бывает: каково приходится актерам и режиссерам в стране без глубокой театральной традиции. Поэтому я умею радоваться аншлагам и поплевывать на мнение того или иного критика.

— Ты можешь позвонить не согласному с тобой критику, встретиться с ним, поговорить?

— Ну, звонить-то, пожалуй, незачем. Близких друзей у меня в этом цехе не имеется. А то бы, наверное, я попросил написать про нашу очередную премьеру что-нибудь поумней и поярче — не обязательно хвалебное... А давать интервью журналистам-злопыхателям приходилось, и не раз... Вообще же, не следует забывать, кто кем питается в наших джунглях. Критики для режиссера или для актера — это не корм — ни интеллектуально, ни финансово. А вот мы для них — это да, совсем другое дело.

— Может быть, твоя социальная «шкура» стала такой толстой, что тебе абсолютно по... мнение других, рядом живущих людей?

— В моем окружении, слава Богу, есть люди, мнением которых (любим!) я дорожу. Это мои спутники, друзья-оппоненты на протяжении многих десятилетий. Среди них есть люди гениального ума и таланта. В этом контексте, сама понимаешь, газетчики как-то блекнут.

— Зачем ты так уродуешь людей в своих спектаклях? Ты «слишком» это делаешь, это уже не кривое зеркало, в котором четко видны пороки. Увиденное вызывает даже не

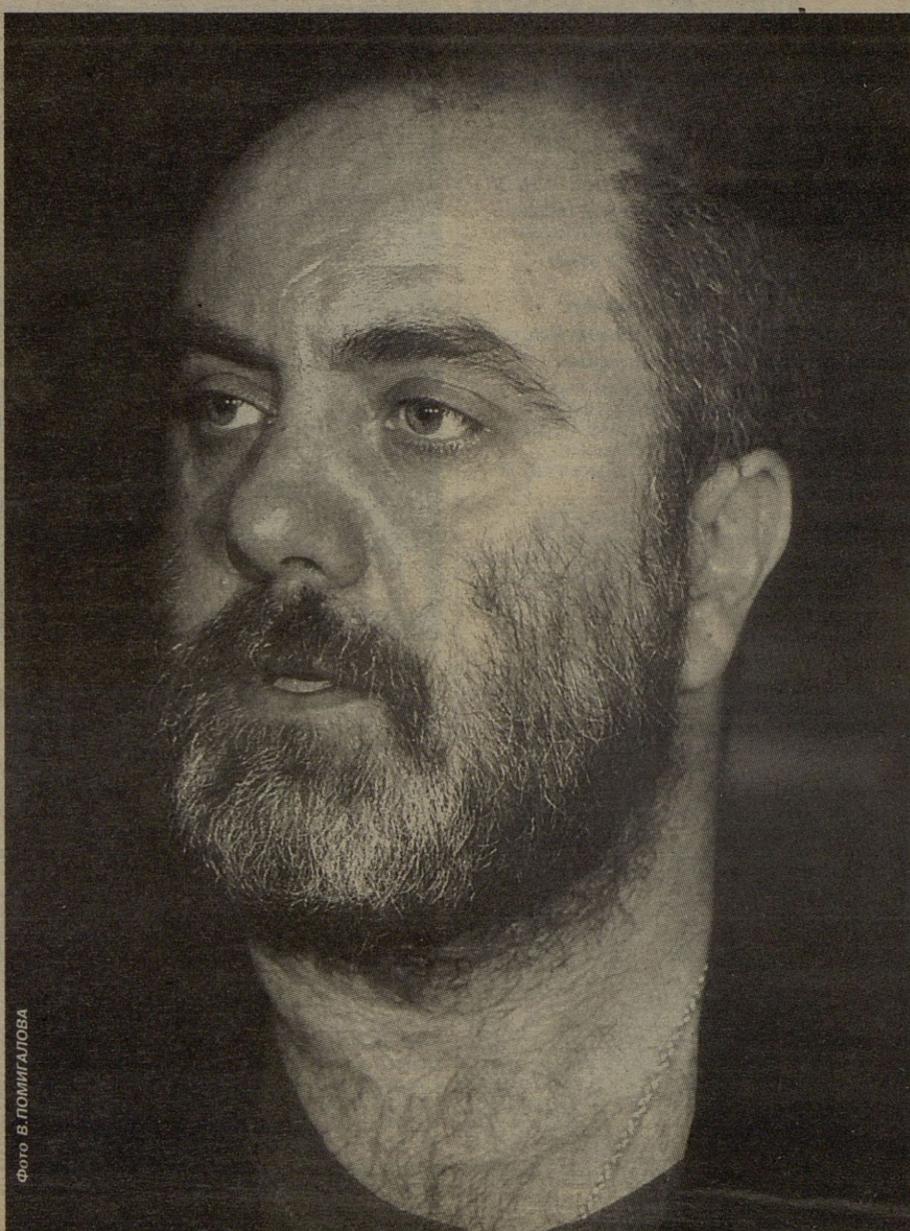

Фото В. ПОМИГЛОВА

ВЛАДИМИР МИРЗОЕВ: НА ИСТИНУ МОНОПОЛИИ НЕТ

боль, а только отвращение к тому, что происходит на сцене...

— Кого именно я изуродовал? Наверное, ты имеешь в виду силиконовую маску Лира Суханова? Читай внимательно пьесу «Король Лир», листай историю тираний, смотри в лицо тиранам XX века, таким как Сталин и Гитлер — получишь ответ на свой вопрос.

Неприятно смотреть на сцену — посещай другой театр. Их в столице очень много. Можно выбрать на любой вкус.

— На твои спектакли ходит определенная часть зрителей. Ведь и извращенным, «грязным» сексом занимается только часть, и получает удовольствие... Не становишься ли ты творцом для «малой части»?

— Аналогия интересная и даже интригующая. Выходит, наши спектакли для тебя что-то вроде «запретной страсти». Гм... Даже не знаю, что на это ответить. Растерялся. Чувствую себя ответственным Майклом Джексоном... Остается предположить, что «здоровый секс» для тебя — я продолжу аналогию — это Малый Театр или МХАТ им. Горького. Может быть, «Уголок Дурова»? Там зверюшки демонстрируют исключительное душевное здоровье.

Впрочем, у каждого свои представления о прекрасном и безобразном. Неправда ли? Я

как-то на досуге подсчитал, что наши спектакли ежегодно смотрит сто тысяч зрителей. Видимо, все эти люди безнадёжно больны нравственно, если вопреки всему они вновь и вновь приходят в театр.

Некоторые смотрят наши спектакли по семь-восемь раз.

Правда, по поводу последнего факта я с тобой согласен — это аномалия. Хотя и приятная.

— Как происходит реабилитация человека — Мирзоева после «Короля Лира»? Что ты делаешь? Спишь, куда-то уезжаешь, начинаешь снова работать?

— Как обычно — немного сплю и много репетирую. 11 декабря в Театре им. Станиславского должна состояться премьера: «Семь святых из деревни Брюхо». Пьеса Людмилы Улицкой. Кстати, мы тут недавно с Люсей беседовали о критиках. Она говорит: «Несут меня рецензенты по кочкам, оскорбляют, обвиняют во всех смертных грехах. Смешные ребята». Я удивляюсь: «Да что же им не нравится? У вас изумительная, ясная, почти пушкинская проза». А Люся на это говорит: «Понимаете, Володя, я не корпоративный человек».

Я тоже не люблю, когда сбиваются в стаю. Творческий союз — это по существу иной тип взаимоотношений, иная ментальность.

— Ты работаешь с умными актерами, с нравственными, талантливыми. Как тебе удается заставлять делать, то, что надо тебе? Есть какой-то «мирзоевский стиль»?

— Вот как раз «заставлять» я не умею. Наша работа основана на принципах синергетики. Актер является моим полноценным партнером в создании спектакля. Так же, как драматург, художник и композитор. Если актер не выдерживает уровня этого диалога — я прерываю наше сотрудничество.

— А теперь, о главном для меня... Почему ты считаешь, что имеешь право вмешиваться достаточно бесцеремонно в шекспировскую пьесу? У тебя был с ним спиритический сеанс, и он позволил?

— А у тебя был спиритический сеанс? Почему ты думаешь, что твоя интерпретация — непреложная истина, от которой ни один смертный не может отступить, не рискуя быть расстрелянным?..

Самое большое заблуждение относительно театра вообще и классической драматургии, в частности, заключено в твоём вопросе.

Конечно, мы все более или менее связаны стереотипами восприятия текста. Печать поколения, прочитанные книги, предрассудки, дефицит того или иного опыта — все это обуславливает нашу субъективность.

Каждый читатель (особенно профессиональный) обязан понимать, что прочитанный им Шекспир или Чехов — не есть Абсолютный Автор. Это всего лишь его, читателя, субъективная интерпретация. Не более. И не менее. Ты имеешь на нее право. Я тоже. Хочешь доказать жизнеспособность своего прочтения — походи и поставь спектакль. Ты не режиссер? Напиши статью. А мы все, твои читатели, решим, насколько талантлива и оригинальна твоя концепция.

— А может быть, просто ты не можешь поставить полноценного шекспировского спектакля, может быть, твоё мышление и идеология не «дотянулись» до вселенской боли...

— Я не знаю, что это значит — «полноценный шекспировский спектакль». Видимо, это то, к чему ты привыкла в детстве...

Я и мои соавторы говорим на том языке, который для нас естественен и который выражает существенное для нас содержание. Если тебе не нравится, как мы говорим, или не близко то, о чем мы говорим, еще раз настоятельно рекомендую — ходи в другой театр.

Я не считаю наш художественный метод единственно правильным. Не думаю, что мы должны нравиться всем на свете. Однако, я убежден в следующем:

Театр, как и поэзия, это оплот высокого индивидуализма.

Здесь не должно быть насилия над собой — в угоду публике, политике или чему бы то ни было. Чем разнообразнее стили режиссеров-современников, тем лучше. Личное высказывание в театре — на вес золота, потому что оно уникально и неповторимо. В нашем деле, как ни в одном другом искусстве, легко скатиться на уровень банального ремесла, языковой инерции.

Думаю, что сегодняшний театральный бум отчасти похож на увлечение поэзией в 60-х годах прошлого века. Это реакция на рационализм жизни, доходящий порой до абсурда... ТВ, несмотря на свои гипнотические свойства, к сожалению, слишком прагматично, слишком зафиксировано на рейтингах и на бабках, чтобы компенсировать дефицит поэзии.

Подводу итог. Наше отечество больше всего пострадало (и продолжает страдать) из-за неусвоенных уроков гуманизма.

Цена человеческой жизни у нас по-прежнему невысока. И это чудовищно, горько, несправедливо. Однако начинается все с малого, с абсолютного пустяка. Давайте договоримся, что другой человек не обязан думать, чувствовать и воспринимать мир так же, как вы. Ни у одного человека нет монополии на истину.

Мы начинали с круга чтения. Советую и тебе лично, и близким тебе по духу товарищам прочитать тоненькую брошюру: «Теория относительности для миллионов».

P.S. Хочу сказать, что я знаю Володю Мирзоева лет двадцать, очень его люблю, ценю, все, что он делает на сцене и в жизни. В этой беседе мы были поставлены в неравные условия. Это — интернет-интервью, и ответишь моему оппоненту на некоторые некорректные выпады в мой адрес у меня не было возможности. А ответы его мне нравятся. Спасибо, Володя.

Галина СКОРОБОГАТОВА

Наш подписной индекс:

42555

ГАЗЕТУ ВСЕГДА
МОЖНО КУПИТЬ:

в театральном магазине СТД
(Страстной бульвар, дом 10. телефон: 229-94-84)

Учредитель: трудовой коллектив
Издание зарегистрировано в Московском
региональном управлении Комитета РФ по
печати 15.11.1996 г. Свидетельство № А-
0957. Цена свободная.

Главный редактор
Андрей Недзвецкий
Ответственный секретарь
Ирина Бурова

Выходит 1 раз в месяц. № 9 (64).
Номер подписан в печать 24.11.2003 г.
Газета отпечатана в типографии "Пронто-Принт"
Тираж 27 000 экз. Заказ № 2743.

Адрес редакции: 127224, Москва, а/я 145
Телефон/факс 287-41-27, 287-09-10
e-mail: gtk@m5.ru
При перепечатке ссылка обязательна.

12.03.03
(зек.)

Мирзоев Владимир